

Рубенс Петер Пауль

Письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П29

П29 **Петер Пауль Р.**
Письма / Рубенс Петер Пауль – М.: Книга по Требованию, 2022. – 393 с.

ISBN 978-5-519-83740-8

ISBN 978-5-519-83740-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Die Unterförmung bekoimt für die
• 1/2 des outangels zu follich die fande
von Maybede de Pastor von St. Jamb
hens zu befohlen. Die Pömmel von
Kryhitz Godeler geldes als die befohlen
Bündelung von der Mutter fater nur die
mit der vorförmung befohlen fagls auten
Pömmel mit dem fande gebunden. Die
förmung die Mutter fater fater in der
Gutten mit dem fagls fande gebunden
Die unterförmung. In der fater
Dob 12 Maity 1624

Peter Paul Ruben

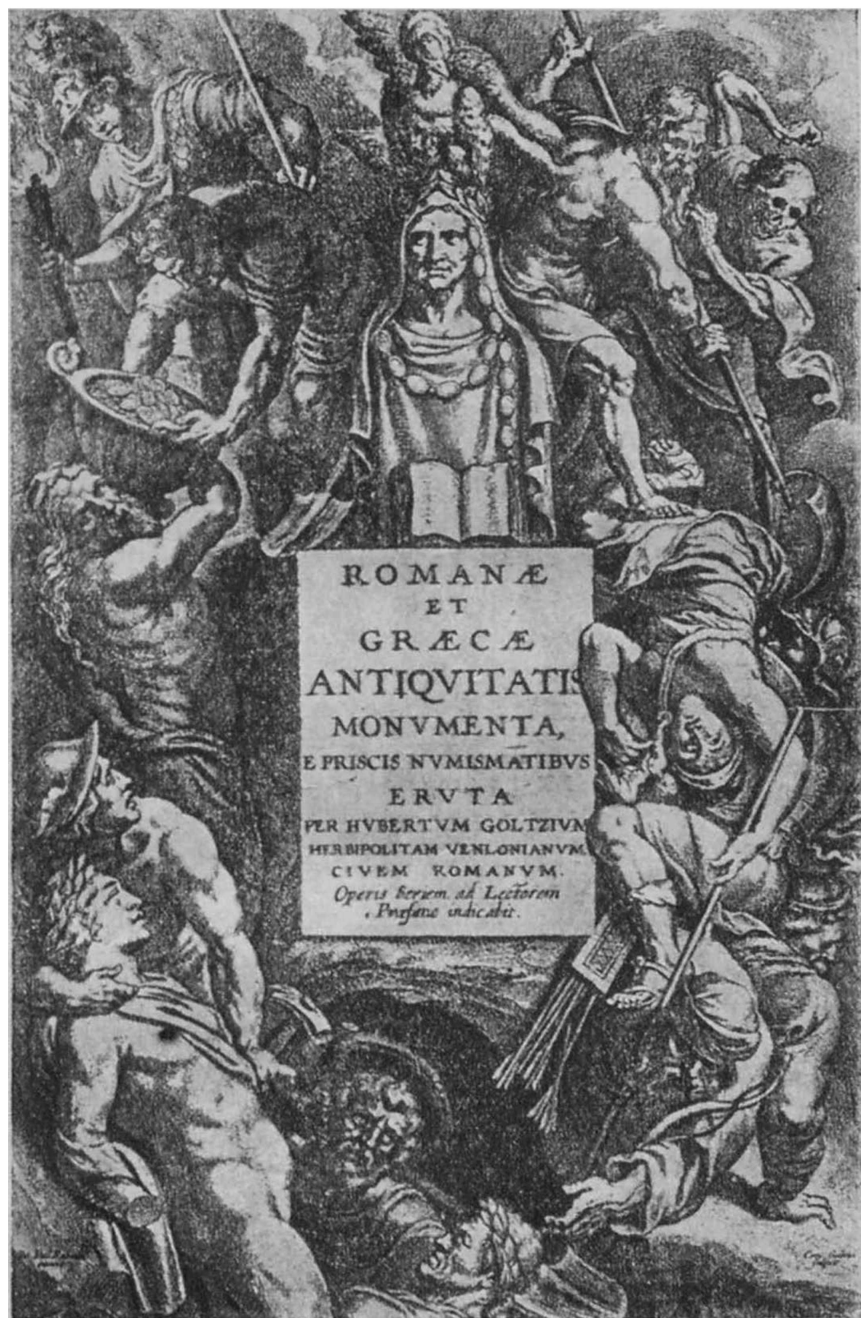
О ПИСЬМАХ РУБЕНСА

Переписка Рубенса огромна, как все в этом жизнелюбивом и жизнедеятельном человеке. Глядя на томы его писем, на их сотни страниц, приведенных в порядок и объясненных ученым трудолюбием Рюленса и Макса Роозеса, думаешь о том, что память потомства почти забыла о каком-то втором Рубенсе, который явно делил, триста лет назад, славу с Рубенсом-живописцем и порой даже, видимо, состязался с ним в размахе успехов и сил.

Он был в самом деле энциклопедической натурой, какой бывает в поворотные эпохи истории каждый большой человек, видящий, что надо охватить свое время со всех сторон, чтобы по-настоящему делать собственное личное дело, и что это собственное личное дело наполняется значительностью в меру того, на-

сколько глубоки и разносторонни его связи с жизнью. «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник...» — в этой формуле пушкинской влюбленности в своего Петра надо только менять профессиональные обозначения, чтобы измерять ею и других героев того же склада. Так, Рубенс был то живописцем, то антикваром, то гуманистом, то дипломатом. Он был первейшим мастером искусства, если не самым большим, то самым славным, можно сказать — самым международным живописцем своего времени. Он был крупным антикваром, настойчивым приобретателем и продавцом художественных ценностей, — и его торговые дела тянулись в разные концы Европы. Он был блестящим гуманистом, любителем ученых тонкостей, знатоком античности, — и его связи с известнейшими эрудитами разных стран были связями не дилетанта, а равной по качеству и значимости ссобы. Он был первостепенным дипломатом, полномочным представителем могущественного испанского престола — и вел узорную многосмысленную, многотрудную игру, по всем правилам интриг и демаршей, с самыми большими государственными левиафанами Европы. Мастер кисти и торговец антиками, ученый латинист и изворотливый дипломат представлял современникам в той слитной смешанности, где все было взаимно окрашено и сплетено и где самое искусство Рубенса, наиболее замечательное в нем, единственно великое, что победило перемены веков и что будет побеждать их впредь, получало куда более сложный и даже противоречивый облик, нежели это

Рубенс. Титульный лист к «Древностям» Гольциуса

представилось потом позднейшим поколениям, соблазненным парадной беззаботностью и пышным здоровьем, которые с первого взгляда так легко вычитываются в рубенсовских картинах.

Его письма—свидетельства этой двойственности. Они дают нам ключ к подлинной природе искусства Рубенса. Это происходит не потому, что в переписке художника много места занимает вопросы эстетики, оценки сверстников по ремеслу, рассуждения о теориях и вкусах современников. Наоборот, этим они не богаты: Рубенс любил говорить, но не любил высказываться. Можно сказать, что в своей эпистолярной продукции он был деловым человеком. Если он рассуждал, то ровно постольку, поскольку это необходимо было для успеха дела, ради которого он писал письмо. Если он умалчивал о самом, казалось бы, насущном, о чем следует сказать, то делал это во имя жизненной стратегии, о которой никогда не забывал. Пожалуй, нет ни одного другого такого же большого художника, у которого письма были бы так далеки от общих теорий и отвлеченных соображений и так полны пафосом дел и многоцветностью происшествий.

Но именно этим они драгоценны. Они обставляют творчество Рубенса красочной противоречивостью условий, в которых оно возникало, и вскрывают живую борьбу элементов, из которых оно составлялось. Мы видим воочию, что самый репрезентативный художник XVII века был человеком двойного склада,—в букваль-

ном смысле слова «буржуа-жантильом» и в жизни, и в искусстве,—живописцем, нашедшим гениальное художественное выражение своеобразию социально-исторических взаимоотношений между буржуазной, но вассальной Фландрией, которая была его родиной, и феодальной, но сюзеренной Испанией, которой он служил. Этот процесс срастания буржуазии и дворянства был в начале семнадцатого столетия всеевропейским явлением,—самой типической и самой сильной чертой в складе господствующих классов. Вот почему никто из живописцев века не мог сравниться с Рубенсом в популярности. Его художественная слава, его дипломатическая карьера и его денежные накопления были только разными выражениями одной и той же сущности,— в одном случае исключительным, в другом—большим, в третьем—значительным. По рубенсовской переписке проходит вся жизнь их величин, разветвленность и сплетение их волокон, и когда она показывает нам, как великий живописец дублируется жадным фабрикантом картин, изготовляемых на вербованной им артелью, но продаваемых им в качестве собственноручных своих произведений, причем его ловят на подделках, а он и в ус себе не дует, словно он не гордость века, а средний купец; когда то же происходит с его антикварством, и, стараясь за гроши купить драгоценные подлинники, он пытается задорого сбыть ничтожные подделки,—и опять-таки ничуть не смущается, когда такой же делец с той стороны разоблачает его; когда в полномочном дипломате буржуа-пацифист, ищущий

всеобщего мира, чтобы снять препоны с развития новых форм хозяйства и торговли, дублируется с феодалом-интервентом, ненавидящим соперничающие страны и плетущим интриги во славу своего монарха,—тогда эта рубенсовская переписка, ее нескромная жизненность, ее жадная обширность сообщает и искусству Рубенса ту великолепную расцветченность и многопланность, которых так нехватало традиционному, выравненному отношению к фламандскому мастеру.

Письма, собранные в этом томе,—конечно, только небольшая часть эпистолярного наследства Рубенса. Но их совершенно достаточно для тех целей, о которых мы говорили. Их отбор был бы делом трудным, если бы не опыт, который недавно был сделан Р. Colin в изданном им двухтомнике рубенсовских писем. У нас они сокращены еще сильнее; большой дипломатической перепиской—главной частью писаний Рубенса—мы почти совсем пожертвовали: она очень специфична и уводит слишком далеко от искусства Рубенса в другой план,—недаром дипломат всегда конкурировал с художником. Но это не значит, что международных событий в публикуемых письмах нет совсем,—они есть, их откликов осталось достаточно, они чувствуются на каждом шагу, но они лишь стоят рядом с делами искусства, антикварства и гуманизма.

Остроумный план группировки писем колэновского издания мы сохранили. Он позволяет соединять материал вокруг немногих узловых тем. Обычная хронологическая последователь-

ность, принятая Рюленсом — Максом Роозесом для капитальной публикации писем Рубенса, здесь неуместна. Ее простота приносит темноту. Рубенса же надо осветить, а не заслонять. Именно этим вызвана сравнительная обширность общей его характеристики, предпосланной письмам, и большое количество репродукций с рубенсовских произведений: они должны уравновесить бытовую дробность писем и кропотливость их реально-исторического комментирования.

Абрам Эфрос

15 февраля 1933 г.